

Глядя на Сунь Лань, которая рыдала на трибуне, Ван Даху с удивлением моргнул. В таком же оцепенении был и Сунь Дачжуан, ведь Сунь Лань была его родной сестрой.

Он и Ван Даху были заклятыми врагами, как же его сестра могла влюбиться в него?

Сунь Дачжуан почувствовал, будто его предали изнутри.

Сунь Лань на трибуне, с лицом, покрасневшим от стыда, тоже чувствовала себя обиженной.

Ей было пятнадцать лет, она была одной из самых взрослых детей в классе. Девочки развиваются быстрее мальчиков, и она уже была настоящей девушкой как физически, так и эмоционально. Ван Даху был симпатичным, умным, спортивным и из хорошей семьи. Естественно, он запал ей в сердце. Хотя она давно тайно любила его, у нее не хватало смелости признаться, и она записала свои чувства на бумаге, храня их в секрете.

Но однажды Цянь Гуйчжи, которая пришла к ней в гости, увидела письмо и, по неизвестным причинам, тайно взяла его и принесла в школу, где оно стало достоянием общественности. Цянь Гуйчжи, не выдержав давления, сама во всем призналась, и Сунь Лань стала объектом всеобщего осуждения.

Ван Даху, поняв суть дела, перевел взгляд с Сунь Лань на Цянь Гуйчжи, которая рыдала, не в силах остановиться. Эта девочка всегда любила украдкой поглядывать на него, и он догадывался, почему она так поступила.

К таким предателям он испытывал только презрение.

А вот Сунь Лань... Ван Даху действительно не ожидал, что именно она написала ему это пылкое письмо.

Как и ее брат Сунь Дачжуан, Сунь Лань была крупной и смуглой, больше похожей на мальчишку. И вот она тайно влюбилась в него.

Ха... Моя привлекательность уже достигла такого уровня, что даже такие «динозавры» не могут устоять? — Ван Даху погладил подбородок, самодовольно думая.

Учительница Чжао была связана с семьей Сунь, поэтому не могла дальше ругать Сунь Лань перед всем классом. Она с гневом увела ее и Цянь Гуйчжи, оставив класс голодных детей и сплетни о Ван Даху, которые становились все более невероятными.

Весь день прошел в таком настроении. По дороге домой Ван Даху увидел, как Сунь Лань тащила своего брата за воротник и била его, явно злясь за то, что он сделал.

Ван Даху усмехнулся, чувствуя удовлетворение.

Ли Цинжань, заметив его довольное выражение, слегка нахмурился и ускорил шаг.

— Эй, Жаньжань, подожди меня! Зачем так быстро идти?

Они вошли во двор, где их встретил Сяо Хэй, радостно бросившийся к Ли Цинжаню. Его метровое тело виляло, пытаясь прижаться к хозяину. Несколько дней назад дедушка и бабушка Ван Даху уехали в город навестить младшего сына, поэтому дом был пуст, и ужин приходилось готовить самим.

Недавно в деревне зарезали овцу, и им принесли немного мяса, поэтому Ван Даху решил

приготовить на ужин горячий котел.

Пока он готовил бульон, обжаривая лук, имбирь и перец, Ли Цинжань сидел на табуретке и мыл овощи. Все овощи он вырастил сам в саду, и они были свежими и сочными.

Вскоре на столе появились тарелки с салатом, кинзой, луком и тонко нарезанной бараниной, которые вызывали аппетит. Они ели с удовольствием, обмакивая мясо в соус.

Сяо Хэй, учуяв запах, уже нетерпеливо крутился у двери, но, помня наставления Ван Даху, не решался войти.

Ли Цинжань смешал остатки бульона с рисом, добавил бараньи косточки и поставил миску перед собакой.

Ван Даху, увидев это, недовольно пробормотал:

— Ты его слишком балуешь.

Ли Цинжань не обратил на это внимания.

Вечером, после душа, Ван Даху зашел в комнату и увидел, как Ли Цинжань учит английский за столом. Он подошел ближе и увидел учебник «Упражнения по аудированию по английскому языку для 3-го класса средней школы».

— Жаньжань, ты просто гений! Ты уже дошел до этого уровня? — Ван Даху снова был поражен умом своей «жены», восхищенно воскликнув.

— Я просто слушаю, — Ли Цинжань снял наушники и посмотрел на Ван Даху, который был завернут только в полотенце. Капли воды стекали по его мускулистому телу, скользя вниз, вниз... Почему-то Ли Цинжань почувствовал, как его лицо загорелось, и он поспешно отвел взгляд:

— Я пойду в душ.

— Да, да, иди быстрее, а то вода остынет.

На следующий день, придя в школу, Ван Даху заметил, что Сунь Лань избегает его, а взгляд Сунь Дачжуана стал еще более «озлобленным». Но он только посмеялся над этим, не придав значения.

Прошло еще два дня.

Дедушка и бабушка Ван Даху вернулись. Они уезжали радостными, но вернулись с каменными лицами, особенно дедушка, который был в ярости!

Ван Даху перевел взгляд на двух людей, которые шли позади них.

Ван Яоцзу, по прозвищу Чихуахуа, выглядел изможденным, с печатью беспокойства на лице. Рядом с ним Лун Имин выглядел еще хуже, с заметной хромотой, указывающей на травму.

Дедушка даже не позволил им войти в дом, швырнул железную ложку им под ноги и, указывая на Ван Яоцзу, закричал:

— Вон, вон отсюда! Считайте, что у меня больше нет такого сына.

— Папа... — Ван Яоцзу со слезами на глазах упал на колени. — Папа, я знаю, что тебе трудно это принять, но мы с Имином действительно любим друг друга. Я надеюсь, ты нас благословишь.

— Любовь? Какая там любовь! — Ван Шоуминь, видимо, никогда в жизни не был так зол. Он не мог поверить, что его любимый младший сын пошел по такому пути.

— Я тебе говорю, пока ты не порвешь все связи с этим Лун Имином и не женишься на женщине, я больше не признаю тебя своим сыном.

— Папа, не заставляй меня... — Ван Яоцзу рыдал, его глаза полные мольбы.

Дедушка развернулся и ушел, оставив сына с решительным видом.

Бабушка, стоя за дверью, плакала. Она была зла на сына, но еще больше переживала за него. Ван Даху и Ли Цинжань переглянулись, и Ван Даху подошел, чтобы поднять их, что-то сказав.

Лун Имин кивнул и увел Ван Яоцзу.

— Даху...? — с беспокойством позвал Ли Цинжань.

— Все в порядке. Я сказал им пожить в старом доме, пока дедушка с бабушкой не остынут.

Дедушка был настолько зол, что несколько дней ходил с угрюмым лицом.

Ван Яоцзу приходил каждый день, но его не пускали. Он стоял на коленях.

Да, на коленях!

Казалось, он хотел показать свою решимость.

Три дня он падал в обморок, но, придя в себя, снова становился на колени.

Неважно, была ли погода ветреной или дождливой, он молил о прощении.

Ночью Ван Шоуминь курил трубку, свет от которой освещал его измученное лицо.

Ван Даху тихо подошел к нему и с заботой подал стакан воды.

— Дедушка, не кури столько, это вредно для здоровья.

— Даху, ты еще не спишь? — Ван Шоуминь потрогал покрасневшие глаза и хрипло сказал. — Иди спать, завтра в школу.

— Дедушка, прости дядю, — Ван Даху сел рядом с ним, положив голову на руку старика, и тихо сказал. — Дядя болен, очень болен.

Рука Ван Шоуминя с трубкой дрогнула.